

Отделение историко-филологических наук

А.Б. Куделин

**Историографические и
литературоведческие аспекты
«Жизнеописания пророка»
Ибн Исхака – Ибн Хишама**

Москва 2017

УДК 297.17
ББК 86.38
К88

ISBN 978–5–906906–80–9

© Российская академия наук, 2017
© А.Б. Куделин, 2017

Историографические и литературоведческие аспекты «Жизнеописания пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама

А.Б. Куделин

«Жизнеописание Пророка» (*ас-Сира ан-набавийя*) Ибн Исхака (ум. в 150/767 г.) – Ибн Хишама (ум. в 218/833 или 213/828 г.), издавна рассматривается как исторический источник и, конечно же, прежде всего как источник сведений о жизни и деятельности основателя ислама. Хорошо исследованное как историографический труд, оно гораздо менее изучено как *памятник литературы*. Специального монографического литературоведческого анализа «Сиры» до сих пор не предпринимали ни отечественные, ни зарубежные ученые.

Между тем это выдающееся сочинение классической арабской письменной традиции несомненно характеризуется сочетанием элементов историографии и литературы. В этом отношении оно не представляет собой исключительного явления в средневековой словесности. Здесь можно сослаться хотя бы на пример древнерусской литературы. В свое время Д.С. Лихачев, отметив различие между летописцем и составителем Хронографа: первый «был историком по преимуществу» и «ценил документальность своих записей», второй «был, наоборот, литератором» и «его отношение к материалу было по преимуществу литературным», – подробно описал «проникновение хронографических способов повествования в летопись», что привело к усилению «чисто литературных сторон летописания в ущерб исторической точности»¹. Об этой же стороне русского летописания пишет и В.Л. Янин: «<...> Основной источник знаний о начальных веках русской истории – “Повесть временных лет” – является в равной степени продуктом и историографии, и литературы. Она не прямо отражает совре-

---

¹ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.; Л., 1947. С. 331, 340, 346, 354 и др.

менную ее рассказам действительность, а через призму художественного осмысления...»².

В свете сказанного вопрос соотношения историографических и литературных аспектов Сиры Ибн Исхака – Ибн Хишама заслуживает более пристального внимания.

В трудах востоковедов к началу прошлого века, когда речь заходила о «Жизнеописании Пророка», отсутствовало четкое разграничение этих двух аспектов, а точнее сказать, представление о литературном аспекте как таковом существовало, но оно – если не полностью, то в очень значительной мере – затмевалось вниманием к историографическому аспекту. Вместе с тем было бы неверным пренебречь важными наблюдениями по интересующему нас вопросу в исламоведческих трудах второй половины XIX – начала XX вв. Устоявшиеся к тому времени представления об историографических и литературных характеристиках изучаемого нами памятника достаточно обстоятельно изложил Дж. Леви делла Вида в обзорной статье «Sīra»³. Коротко напомним ее основные положения, представляющие для нашей работы непосредственный интерес.

Мысль о необходимости изложить в последовательном повествовании историю жизни Пророка ислама от его рождения до кончины возникла достаточно рано в мусульманской общине. Становление основ теократического государства требовало действий не только по утверждению практики культа и религиозных законов в соответствии с учением и деяниями Пророка ислама, но и по прославлению в духе доисламской Аравии военных походов мусульман под водительством Мухаммада.

Первый из двух указанных мотивов стимулировал ускорение процесса формирования *сунны* в форме нарративных *хадисов*, содержавших биографические данные о Мухаммаде. В этой части своей статьи Леви делла Вида ссылается на труды И. Гольдциера, в которых устанавливаются известные пределы историографичности нарративных *хадисов*⁴. Он отмечает, что исследова-

---

² Янин В.Л. Предисловие – Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I, вып. 1-3. – М., 1990.

³ Levi Della Vida G. Sīra // The Encyclopaedia of Islam (1st edn – EI¹). Leiden, E. J. Brill, 1913–1942. Т. VII. P. 439b–443b.

⁴ Прежде всего Дж. Леви делла Вида ссылается, конечно же, на вторую часть классической работы: Goldzier I. Muhammedanische Studien. I-II. Halle, 1889-1890.

ние Гольдциера наметило решающий поворот в изучении Сиры: «Было признано, что Сира в той письменной форме, в которой она дошла до нас, представляет собой не что иное, как собрание нарративных *хадисов*, которые по способу их составления существенно не отличаются от наиболее строгих (в самом точном смысле слова) доктринальных *хадисов*. Как в одном, так и в другом случае, приведенные *иснады* не дают гарантии аутентичности в их отдаленных звеньях. Как в одном, так и в другом случае, текст содержит скорее формулирование доктрины или же полемический пункт, нежели историческое сообщение»⁵.

Второй мотив сводился к необходимости собрать воедино множество рассказов, касающихся мединского периода деятельности Мухаммада и полностью связанных с военными походами. «Эти рассказы являются всего лишь продолжением или развитием литературы *аййам ал-'араб*», характерные особенности которых сформировались в доисламский период. С позднейшими рассказами они имели общее: наивную свежесть стиля, тенденцию разбивать повествование на несколько эпизодов, лишь очень слабо связанных между собой, и обилие поэтических цитирований, которые часто составляли ядро, вокруг которого только позднее создавался сам прозаический рассказ⁶.

У этого типа продукции (речь идет о рассказах о военных походах) нельзя было бы полностью отрицать наличие историографического начала, но при этом необходимо помнить, что они не обрамлены хронологической рамкой и не приспособлены к како-

---

⁵ Levi Della Vida G. *Sīra*. EI¹, t. VII. P. 440-441. Вместе с тем здесь же Леви делла Вида напоминает об «экстремизме» Каэтани и Ламменса в данном вопросе, отрицавших какую бы то ни было историческую основу во всех преданиях о Мухаммаде, и о критике позиции этих двух ученых крупнейшими востоковедами Де Гье, Нёльдеке, Беккером и др. Добавим, что в России к этой критике присоединился В.В. Бартольд (см.: Ислам [1918]; Мусульманский мир [1922]; Коран и море [1925] // Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – М., 1966).

⁶ Как мы увидим позднее, воздействие *аййам ал-'араб* распространилось не только на батальные сцены в Сире Ибн Исхака – Ибн Хишама. Однако здесь нам важнее заметить, что мнение об особой роли *аййам ал-'араб* в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама разделяется сегодня многими востоковедами. Продолжение этой линии можно видеть в утверждении, согласно которому «магази (военные походы) суть исламизированный сиквел *аййам ал-'араб*» (ссылку на статью: Sezgin U. *Abū Miḥnaf: ein Beitrag zur Historiographie der Omayyadenzeit*. Leiden: E. J. Brill, 1971 см. в: *The Cambridge History of Arabic Literature. Religion, learning and science in the 'Abbasid period*. Cambridge Univ. Press, 1990. P. 189).

му-то определенному плану. Скорее здесь следовало бы говорить о серии «военных мемуаров», в которых заслуживающее доверия реалистическое (хотя часто и субъективное) описание одного эпизода соседствует с небрежным и искаженным описанием другого и в которых, в частности, отсутствует аналитический обзор не связанных между собой событий.

Иного рода были источники самой, собственно говоря, биографии Пророка. Она составлялась под воздействием нескольких факторов: трансформация личности Мухаммада в духе религиозного сознания ислама и решающие участие в этой трансформации некоторых гетерогенных элементов, обязанных своим происхождением прежде всего контактам с иудаизмом и христианством. Это привело к развитию легенд, которыми личность Мухаммада была окружена и которые полностью изменили природу его характера от его детства (или часто до его рождения) до его кончины. Пророк ислама, который при жизни решительно заявлял, что он такой же человек, как и другие, в конечном счете был наделен видимыми признаками обожествления: описание его жизни, представленной как некий аналог жизни Моисея и Христа, засвидетельствовало присутствие в ней сверхъестественного начала⁷.

Итак, формирование Сиры вплоть до того времени, когда она была сокращена до ее «канонической» формы, происходило по нескольким направлениям. В нее включались 1) нарративные *хадисы*, содержавшие биографические данные о Мухаммаде, 2) легенды агиографического характера, 3) рассказы о военных походах мединского периода деятельности Мухаммада, составленные в духе доисламской литературы *аййам ал-'араб*. Из комбинирования этих различных элементов сложилась Сира в ее «вульгатной» форме, основные особенности которой были зафиксированы уже к началу II века хиджры (ок. 720 г.). Систематизацию этих разнообразных материалов производили мединские *мухаддисы*, специалисты по *хадисам*. Свой значительный вклад в этом деле внесли и *куссасы*, профессиональные рассказчики, появившиеся сразу же после арабских завоеваний, которые составляли и распространяли рассказы о жизни Мухаммада в мусульманском мире⁸.

⁷ Здесь Дж. Леви делла Вилла ссылается на фундаментальный труд: T. Andr . Die Person Muhammads in Lehre und Glaube seiner Gemeinde, Stockholm 1918 [Archives d' tudes orientales, xvi.].

⁸ Goldzier I. Muhammedanische Studien. II. S. 161-166.

В конечном счете, труд Ибн Исхака представляет собой «сплав биографии религиозного типа от *мухаддисов* с биографией эпико-легендарного типа от *куссасов*»⁹.

Таким образом, в Сире материалы более или менее достоверных историографических свидетельств соседствуют с агиографическими, эпико-легендарными эпизодами, смоделированными по образцам иудаистической и христианской традиций (вероятно, и иранской, хотя и в значительно меньшей мере). «Из всего этого вырос вид литературы, который вернее было бы отнести к историческом роману, нежели к истории»¹⁰.

В заключение подчеркнем важную для нашего исследования деталь. В своей статье Дж. Леви делла Вида отчетливо регистрирует отмечавшееся нами ранее стремления европейских востоковедов второй половины XIX – первой половины XX в. рассматривать Сиру главным образом в свете критериев историографической точности. И позднее подобная тенденция сохранилась и получила обстоятельную разработку. Так, Х.А.Р. Гибб, в частности, отдает должное вкладу *мухаддисов* и *куссасов*, подчеркивая, что для Сиры Ибн Исхака свойственна связь не только с мединской школой традиционалистов, специализировавшихся в арабской науке о *хадисах*, но и с линией Вахба ибн Мунаббиха (34–110 или 114/654–655 – 728 или 732), характеризующейся «собственным методом изложения истории в форме преданий»¹¹.

Преобладание подобного подхода должно учитываться при обсуждении комплекса разнообразных историографических и литературных проблем, которые призван решать исследователь

---

⁹ Levi Della Vida G. *Sīra*. EI¹, t. VII. P. 441a–442b.

¹⁰ Levi Della Vida G. *Sīra*. EI¹, t. VII. P. 441b.

¹¹ Подробнее см.: Гибб Х.А.Р. Мусульманская историография. Перев. П.А. Грязневича – Гибб Х.А.Р. Арабская литература (классический период). – М., 1960. С. 117–155. (Gibb H.A.R. *Islamic historiography* – EI¹, Suppl., Leiden-L., 1938. P. 233–245.) С. 123, 124–125. 124 и др. О влиянии на Ибн Исхака традиции Вахба ибн Мунаббиха и мединской школы традиционалистов говорят и другие зарубежные и отечественные исследователи. См., например: Khouury R.G. «Les sources islamiques de la “Sira” avant Ibn Hishâm (m. 213/834) et leur valeur historique» // *La vie du Prophète Mahomet. Colloque de Strasbourg (octobre 1980)*. Paris, 1983. P. 26–29; Schœler G. *Écrire et transmettre dans les débuts de l’islam*. Paris, 2002. P. 64; Бойко К. А. Сира // *Ислам: Энциклопедический словарь*. – М.: Наука, 1991. С. 209). Подробно данная проблематика рассматривается в: Куделин А.Б. «Ас-Сира ан-набавийя» Ибн Исхака – Ибн Хишама: к истории текста и проблеме авторства // *Письменные памятники Востока*. 2009. № 2 (11). С. 90–100.

этого памятника средневековой арабской литературы. Тем более, что он в значительной мере сохраняется и по настоящее время, обогащаясь за счет новейших исследований, посвященных средневековой арабской историографии.

Не претендуя на сколько-нибудь полное изложение выводов медиевистов по всему кругу вопросов, касающихся изучения классической арабской исторической науки, коротко скажем только о тех выводах, которые имеют непосредственное отношение к предмету нашего исследования. Одним из важнейших для нас результатов стал вывод о неоднородности средневековых арабских историографических сочинений. В очень упрощенной форме он сводится к возможности их разделения на компиляции и компендиумы. Авторы компиляций не предпринимали усилий для создания связного повествования о событиях (“a unified narrative of events”), а авторы компендиумов представляли материалы, дошедшие до них от ранних собирателей, в рамках «единой повествовательной линии» (“a single narrative line”)¹². Так вот в пределах этой дихотомии сочинение Ибн Исхака – Ибн Хишама занимает промежуточное положение между историческими компиляциями ал-Балазури (ум. 279/892-893) «Китаб футух ал-булдан» («Книга завоеваний стран») и ат-Табари (224-310/839-923) «Та’рих ар-русул ва-л-мулук» («История посланников и царей»), с одной стороны, и историческими компендиумами Ибн Кутайбы (213-276/828-889) «Китаб ал-ма’ариф» («Книга познаний»), ад-Динавари (ум. 281/894) «Китаб ал-ахбар ат-тивал» («Книга длинных сообщений») и ал-Йа’куби (ум. 283/897) «Та’рих» («История») и другими несколько более поздними сочинениями, с другой. В Сире существуют предпосылки для организации связного повествования, что отдаляет ее в определенной мере от компиляций, характеризующихся дискретностью сюжетных компонентов, но при этом она не достигает в данном отношении континуальности компендиумов.

Представленные соображения о срединном положении Сире между компиляциями и компендиумами осложняются тем обстоя-

---

¹² Подробнее см.: Dalen, B. van, Humphreys R.S., Marín Manuela, Lambton, Ann K.S., Woodhead Christine, Athar Ali, M., Hunwick J.O., Freeman-Grenville G.S.P., Proudfoot I., Blois, F.C. de. Ta’rikh // The Encyclopaedia of Islam (2nd edn – EI²). Leiden and London: E. J. Brill, 1960–2004. Т. X (2000) (далее: Ta’rikh). P. 272.

тельством, что при взгляде на соотношение названных памятников с точки зрения номенклатуры их содержательных компонентов является иная картина: исторические компиляции и компендиумы сближаются между собой и решительно отделяются от Сиры Ибн Исхака – Ибн Хишама. Относительная содержательная гомогенность представленного в компиляциях и компендиумах нарративного материала противостоит его гетерогенности в анализируемом нами сочинении. Можно сказать даже определеннее: «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама в данном отношении и не могло не противостоять перечисленным сочинениям поскольку является редким – если не уникальным – по своей компонентной базе памятником в средневековой арабской литературе.

Рассмотрим подробнее вопрос об историографических компонентах «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама.

В стадияльно-типологическом плане основные нарративные элементы Сиры могут быть разделены на две большие группы: а) компоненты, восходящие к доисламскому и раннеисламскому историко-генеалогическому преданию (повествовательные элементы /*аййам* и *ахбар*/, сообщения о родословиях /*ансаб*/, стихи)¹³; б) компоненты, соотносящиеся с прозаическим и поэтическим преданием о жизни и деятельности Пророка ислама и его ближайших сподвижников.

В настоящей главе мы уделим основное внимание компонентам группы “а” – *аййам* и *ахбар*. Акцент будет поставлен на их содержательных характеристиках и на их функционировании в качестве композиционных единиц Сиры Ибн Исхака – Ибн Хишама в соотнесении с историческими компиляциями и компендиумами с тем, чтобы определить место этого сочинения между историографией и литературой.

Перейдем к рассмотрению компонентов доисламского и раннеисламского исторического предания *аййам ал-‘араб* и *хабаров*, представленных в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама и других, относительно близких к нему хронологически, историографических сочинениях – исторических компиляциях и компендиумах. Начнем с *аййам ал-‘араб*.

Прозаические рассказы, за которыми в средневековой арабской традиции закрепилось название *аййам ал-‘араб* или просто

---

¹³ О компонентах данной группы см. в: Грязневич П.А. Развитие исторического сознания арабов (VI-VIII вв.) // Очерки истории арабской культуры. V-XV вв. – М., 1982. С. 124.

ал-аййам (*йавм* – ед.ч., *аййам* – мн. ч. – «день»; соответственно «дни арабов» и «дни»), выполняли «функцию исторического повествования о доисламском прошлом Аравии». В них обычно говорится о более или менее значительных военных столкновениях племен или родов. Эти сообщения были прежде всего информацией; «при описании события, факта в центре внимания находится чаще всего этико-правовой казус, способ и обстоятельства его разрешения: в чем заключалось нарушение родовых установлений и как оно было компенсировано»¹⁴.

Из средневековых источников известно, что наибольшее число *аййам ал-‘араб* было собрано двумя авторитетными учеными Абу ‘Убайдой (110–209/728–824–5) и Ибн ал-Калби (ок. 120–204 или 206/737–819 или 821). Согласно сведениям Ибн ан-Надима (ум. между 380 и 388/990 и 998 гг.) и Ибн Халликана (608–681/1211–1282), Абу ‘Убайда написал два обобщающих труда об *аййам* — краткий с описанием 75 «дней», и пространный, в котором говорится о 1200 «днях»¹⁵. Хишам ибн Мухаммад ибн ас-Са’иб ал-Калби (обычно именуемый Ибн ал-Калби) получил признание, согласно Ибн ан-Надиму и Йакуту (575–626/1179–1229), прежде всего как историк и как знаток генеалогии арабских племен и преданий *аййам ал-‘араб*¹⁶.

Ни один из упомянутых Ибн ан-Надимом, Йакутом и Ибн Халликаном трудов о «днях арабов» Абу ‘Убайды, Ибн ал-Калби и других средневековых авторов не дошел до нас в своей первоначальной форме, однако значительные выдержки из них сохранились в сочинениях их прямых и косвенных учеников, а также у

---

¹⁴ Подробнее см.: Грязневич. Указ. соч. С. 129–130, 136.

¹⁵ Ибн ан-Надим [Ибн ан-Надим (ан-Надим). *Китаб ал-фихрист* (Каталог). Тегеран, 1971. С. 60 и др.] и Ибн Халликан [Ибн Халликан. *Вафаййат ал-а’йан ва анба’ абна’ аз-заман* (Кончины великих и сообщения о сынах времени). Т. 1–8. Бейрут, 1968–1972. Т. 5. С. 239] называют в упомянутых сочинениях и другие труды Абу ‘Убайды о «днях арабов».

¹⁶ Ибн а-Надим. Указ. соч. С. 108–111; Йакут ал-Хамави. *Му’джам ал-удаба’* (Словарь литераторов). Т. 1–20. Каир, 1922. Репринт: Бейрут, [б.г.]. Т. 19. С. 287–292. Современные исследования подтверждают выдающуюся роль Ибн ал-Калби в истории арабской культуры [Atallah. W. *al-KALBĪ // The Encyclopaedia of Islam* (2nd edn – EI²). Leiden and London: E. J. Brill, 1960–2004. Т. IV (1997). P. 494–496; Conrad L. I. *Ibn al-Kalbī // Encyclopedia of Arabic Literature*. Т. 1–2. London & New York: Routledge, 1998. Т. 1. P. 340–341; Полосин Вл. В. Предисловие // Хишам ибн Мухаммад ал-Калби. *Книга об идолах / Китаб ал-аснам* / пер. с арабск., предисл. и примеч. Вл.В. Полосина. – М., 1984. С. 9–12.].

поздних филологов и историков¹⁷. Основной массив текстов *аййам* содержится во вторичных источниках, таких, как: комментарии ас-Суккари (212–275 или 290/827–888 или 903) к «*Нака'ид*» Джа-рира (ок. 33–111/ок. 653–729) и ал-Фараздака (ок. 20–110 или 112/ок. 640–728 или 730) в версии Абу 'Убайды (110–209/728–824–5), «*ал-'Икд ал-фарид*» Ибн 'Абд Раббиха (246–328/860–940), «*Китаб ал-агани*» ал-Исфахани (284–356/897–967), комментарии ат-Ти-бризи (421–502/1030–1109) к «*Китаб ал-Хамаса*» Абу Таммама (р. в 188/204 или в 190/806, ум. в 231/845 или в 232/846), «*ал-Камил фи ат-та'рих*» Ибн ал-Асира (558–637/1163–1239), энциклопедия «*Нихайат ал-араб фи фунун ал-адаб*» ан-Нувайри (VIII/XIV в.) и др. Отдельно упомянем ал-Майдани (ум. в 518/1124), который говорит об *аййам* в своем труде «*Маджма' ал-амсал*»¹⁸.

Обратимся теперь ко второму компоненту доисламского и раннеисламского исторического предания — *хабарам*.

Хабар (*хабар* – ед. ч., мн. ч. *ахбар* – букв. «известие», «весть», «сообщение») в предании означает информацию исторического, биографического или занимательного характера¹⁹.

И дискретные по своей природе компиляции и характеризующиеся большой связностью текста компендиумы черпали значительную (если не подавляющую) часть своего исторического

---

¹⁷ Подробнее об *аййам ал-'араб* см. в: Mittwoch E. *Ayyām al-'Arab // The Encyclopaedia of Islam* (2nd edn – EI²). Leiden and London: E. J. Brill, 1960–2004. Т. I (1986). P. 793–794; Mittwoch E. *Proelia Arabum panagorum (Ajjām al-'Arab) quomodo litteris tradita sint* (Diss.). Berlin, 1899; Caske W. 'Ajjām al-'Arab, Studien zur altarabischen Epik' // *Islamica* 3, Suppl. (1930). S. 1–99; Meyer E. *Der historische Gehalt der Ayyām al-'Arab*. Wiesbaden, 1970; Borg G. *Battle Days // Encyclopedia of Arabic Literature*. Т. 1–2. London & New York, 1998. Т. 1. P. 141–142; Кад, ал-М. *Ал-Хабар фи ал-адаб ал-'араби*. Дираса фи ас-сардиййа ал-'арабиййа (Хабар в арабской литературе. Исследование арабской нарративности). Тунис; Бейрут, 1998. В этих же работах см. библиографию источников и исследований по данному вопросу.

¹⁸ Повествование ал-Майдани очень кратко, но содержит полезную информацию (пронзношение собственных имен и названий, перечисление племен, участвовавших в битвах и т.п.). В главе 29 его труда упоминается 132 доисламских «дней»; в дополнение, во 2 части этой главы, перечисляются 88 исламских «дней» [Майдани, ал- А. *Маджма' ал-амсал* (Собрание пословиц). Т. 1–2. Бейрут, 1961. Т. 2: Глава 29. С. 518–537, 538–545.].

¹⁹ Подробнее см.: Грязневич. Указ. соч. С. 124 и др. В этом отношении его позиция совпадает или близка к позиции других исследователей. Так, у Венсинка мы находим определение: «...хабар означает единицу информации исторического, биографического или даже занимательного характера...» (Wensink A.J. *Khabar* – EI². Т. IV. P. 895). Сходно трактуется хабар в: Бойко К.А. *Хабар // Ислам: Энциклопедический словарь*. – М., 1991. С. 259–260. См. также: Кад. Указ. соч.

материала из сборников *хабаров*, не дошедших до наших дней. Известно лишь, что они были скомпилированы приблизительно между 750 и 850 гг. несколькими учеными, среди которых наиболее цитируемы: Ибн Исхак (ум. 150/767), Абу Михнаф Лут ибн Йахйа (ум. 157/774), Сайф ибн ‘Умар (ум. ок. 180/796), Хишам ибн Мухаммад ал-Калби (ум. 204/809), ал-Хайсам ибн ‘Ади (207/822), Мухаммад ибн ‘Умар ал-Вакиди (ум. 207/822), ‘Али ибн Мухаммад ал-Мада’ини (135-226 или 228/ 752-841 или 842-3) и Мухаммад ибн Са‘д (ум. 230/845)²⁰.

На данный момент для нас не так уж и важно, насколько по-разному материал этих сборников *хабаров* компоновался в компиляциях и компендиумах. Важно то, что для обеих групп средневековых арабских исторических сочинений материал черпался во многом из одних и тех же источников и что эти же источники питали своими материалами хронологически опережающее их «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама.

За отсутствием сборников *хабаров* предпримем попытку составить представление о них по имеющимся в нашем распоряжении авторитетным историческим компиляциям ал-Балазури (ум. 279/892–893) и ат-Табари (224–310/839–923), где они широко использовались, согласно солидарному мнению средневековых и современных ученых. В привлекаемых нами для сопоставления историографических сочинениях (компиляциях и одном из компендиумов) опора на сообщения из утраченных сборников *хабаров*, представляется достаточно очевидной, а в некоторых случаях подтверждается и определенными ссылками-*иснадами*. Все цитируемые ниже авторы компиляций и компендиума хронологически относятся к одной эпохе. В наши наблюдения, конечно же, необходимо вносить коррективы, так как самые тексты сообщений, подвергались редактированию, сокращению и т.п., короче говоря, подвергались обработке.

Прежде чем перейти к практическому анализу текстов *аййам ал-‘араб*, *хабаров*, «Жизнеописания Пророка» и других историографических сочинений, обратимся к одному из наблюдений, сделанных Д.С. Лихачевым на материале древнерусской литературы.

---

²⁰ Та’rīkh. Р. 273а. Именно эти сборники составили основу изложения ранней истории Халифата в упоминавшихся выше исторических компиляциях и компендиумах (см.: Ibid; Грязневич. Указ. соч. С. 135-137).

Оно окажется полезным и для нашего анализа. «В литературных произведениях следует различать с о о б щ е н и е сведений о событиях, р а с с к а з о событиях и и з о б р а ж е н и е событий, — пишет ученый (разрядка автора. — А. К.). — По мере освобождения русской литературы в XVI и XVII вв. от средневековых принципов повествования в ней всё большее и большее место начинает занимать стремление к изображению событий. Художественное воображение постепенно становится способным не только всё более точно рассказывать о действительности, но и воспроизводить действительность, создавать иллюзию действительности, вызывать у читателя ощущение присутствия при совершающемся в произведении»²¹.

В текстах памятников средневековой арабской литературы вполне очевидно могут быть выявлены присущие им в той или иной степени различные признаки отражения действительности — от информационного отчета о событии в сообщении до его изображения в достаточно живой картинке-зарисовке. Вместе с тем необходимо сказать, что зарегистрированная Д.С. Лихачевым тенденция — «стремление к изображению событий», отмечаемая нами и в средневековой арабской литературе, при попытке установить границы между «сообщениями сведений о событиях», «рассказами о событиях» и «изображениями событий» при практическом взгляде на конкретный материал, как мы увидим позднее, окажется не столь явственной, а самые границы между разными типами реакции на «события» зачастую будут весьма зыбкими и условными. Приняв во внимание этот допуск, приступим к обзору текстов.

Приведем сначала для сопоставления текст из *аййам ал-‘араб* (День ал-Вакит²²) и фрагмент из Сиры Ибн Исхака — Ибн Хиша-

---

²¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-ье изд., дополн. — М., 1979. С. 281.

²² Пер. с араб. и прим. Вл.В. Полосина — Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы. — М., 1983. С. 112-114. Перевод выполнен по изданию: Аййам ал-‘араб фи-л-джахилиййа. Сост. Джад ал-Мавла Бек М.А., ал-Баджави ‘А.М., Абу-л-Фадл Ибрахим М. Каир, 1942 (ср. с текстом того же «дня» в: Ибн ‘Абд Раббих. Ал-‘Икд ал-фарид. Т. 1-7. Изд. Амин А., ал-Абйари И., Харун А. Бейрут, 1990. Т. 5. С. 174-176.) При цитировании нами изменены в переводе написания некоторых арабских имен. Текст издания, по которому переводил Вл.В. Полосин, менее полон по сравнению с текстом в книге «Ал-‘Икд ал-фарид». В последней имеется короткий иснад сообщения (добавлен в переводе в прямых скобках), приводятся более подробные списки захваченных в плен и убитых в ходе вооруженного столкновения и более объемные тексты поэтических отрывков.

ма, в котором в рамках повествования о приготовлениях курайшитов к битве при Бадре говорится об их военном столкновении с кинанитами задолго до событий, предшествовавших сражению с мусульманами Медины²³.

<p>День ал-Вакит</p> <p>[Фирас ибн Хиндиф сказал:] Однажды союзные племена из бану Бакр ибн Ва'ил, известные под названием ал-лаха-зим, решили напасть на племя тамим, воины которого в то время были в набеге. Об этом узнал Нашиб ибн Башама ал-'Анбари по кличке Одноглазый, бывший тогда пленником рода Кайс ибн Са'лаба, и сказал им: «Дайте мне человека, я пошлю его к моим сородичам бану ал-'Анбар с поручениями». «Посылай, но в нашем присутствии», – ответили кайситы, опасаясь, что он предупредит сородичей об их набеге. И они привели к нему некоего юношу-метиса, но Нашиб сказал: «Вы привели ко мне дурака!» «Я не дурак!» – ответил юноша. «Мне кажется, что ты сумасшедший», – заявил Одноглазый. «Нет во мне безумия», – возразил юноша. «Тогда ответь, чего больше: искр от огня или звезд?» – «Звезд», – сказал тот, – но и искр много.» «Все-таки ты глупый простофиля, и я не верю, что ты передашь мои поручения», – сказал Нашиб. «Клянусь жизнью, я передам всё, что тебе нужно», – пообещал юноша. Тогда Одноглазый набрал в горсть песка и спросил: «Сколько у меня в ладони?» «Я не знаю, там несчетное множество», – ответил тот. Одноглазый указал рукой на солнце и спросил: «Что это такое?» «Солнце», – был ответ. «Вижу, что ты и в самом деле понятливый и разумный парень», – сказал Одноглазый. – Тогда отправляйся к моим</p>	<p>Великая битва при Бадре</p> <p>Ибн Исхак сказал: «Когда курайшиты окончили приготовления и собрались в дорогу, то вдруг вспомнили о войне, которая была у них с бану бакр ибн 'абд манат ибн кинана, и подумали: "Как бы они не ударили нас с тыла". Война же между курайшитами и бакритами разразилась – как рассказывал мне один человек из бану 'амир ибн лу'айй со слов Мухаммада ибн Са'ида ибн ал-Мусай-йаба – из-за сына Хафса ибн ал-Ахйафа из бану ма'ис ибн 'амир ибн лу'айй (одно из колен племени курайш). Это был красивый опрятный подросток, с хохлом на голове, ходивший в нарядном платье. Отправился он в Даджнан на поиски пропавшего скота и там наткнулся на 'Амира ибн Йазида ибн 'Амира ибн ал-Мулавваха из бану йа'мар ибн 'ауф ибн ка'б ибн 'амир ибн лайс ибн бакр ибн 'абд манат ибн кинана, который оказался в Даджнана. В то время 'Амир был вождем бакритов. Увидел он мальчика, и тот ему приглянулся. 'Амир спросил: «Кто ты, мальчик?» Тот отвечал: «Я – сын Хафса ибн ал-Ахйафа ал-Кураши». Когда мальчик пошел прочь, 'Амир ибн Йазид спросил: «Бакриты, есть ли у вас неотомщенная курайшитам кровь?» Соплеменники отвечали: «Да, клянемся Аллахом! У нас есть неотомщенная им кровь». 'Амир сказал: «Если кто-то решит убить этого подростка за своего мужчину, то будет считаться, что расчет произведен</p>
---	---

²³ Зд. и далее переводы из Сиры с небольшими изменениями цит. по: Ибн Исхак – Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка. Великая битва при Бадре. Предисл. А.Б. Куделина. Перев. с араб. и комм. А.Б. Куделина и Д.В. Фролова. Подготовка араб. текста и комм. М.С. Налич. – М., 2009 (далее: Великая битва при Бадре). С. 61-64.

сородичам, передай им от меня приветствия и пожелание благополучия и скажи им, чтобы они получили относились к своему пленнику (в то время в плену у бану ал-'Анбар был Ханзала ибн Туфайл ал-Марсади), ведь так ко мне относятся люди, у которых я нахожусь. Ещё скажи им, пусть расседлают моего рыжего верблюда, а ездят на моей бурой верблюдице, помня о том, что я ел с ними «хайс» (финики с топленным маслом и творогом), и пусть позаботятся о моих делах среди сынишек Малика. Сообщи им, что терновник покрылся листьями, а женщины наготовили бурдюков. Пусть не подчиняются они Хаммаму ибн Башаме, ведь он человек несчастливый и злополучный, а пусть слушают Хузайла ибн ал-Ахнаса, благоразумного и удачливого». «А кто это сынишки Малика?» – спросили кайситы. «Это дети моего брата», – ответил Нашиб. И вот, посланец пришел к родичам Нашиба из бану 'Амр ибн Тамим и передал всё, что тот ему велел, но они сказали: «Не понимаем мы этих слов, наверное джины похитили его разум с тех пор, как он расстался с нами. Не знаем мы ни верблюда, ни верблюдицы, о которых он говорит, все его верблюды одинаковы у нас». А Хузайл ибн ал-Ахнас попросил посланца: «Расскажи мне всё сначала». И тот рассказал ему всё, что говорил ему Одноглазый с начала и до конца. Тогда Хузайл сказал ему: «Передай ему привет от нас, когда вернешься, и скажи, что мы выполним то, что он велел». И тот ушел, а Хузайл воскликнул: «О сыны ал-'Анбара, сородич ваш прислал вам послание ясное. Набрав песок в руку, он хотел сказать, что идет на вас войско неисчислимое. Указывая на солнце, он говорил "это яснее солнца". Его рыжий верблюд – это гора ас-Самман, и он велит вам расседлать его, то есть уйти от этой горы. Бурый верблюд – это пустыня ад-Дах-на, и он велит вам укрыться в ней. Говоря о сынишках Малика, он

полностью». Один из бакритов поехал за мальчиком и убил его в отместку за кровь, пролитую курайшитами. Курайшиты вступили в переговоры с 'Амиром ибн Йазидом, и тот сказал им: «Курайшиты! Наша кровь, пролитая вами, оставалась не-отомщенной. Так что выбирайте. Хотите, платите нам виру за то, что на нас, а мы заплатим вам виру за то, что на нас. Хотите, кровь возместит кровь – мужчина за мужчину. Тогда вы отказываетесь от ваших претензий к нам, а мы – от наших к вам». Курайшиты из рода этого мальчика сочли понесенный урон не столь значительным и ответили: «Ты прав! Пусть будет мужчина за мужчину», решив ничего не требовать за мальчика». Ибн Исхак сказал: «Так случилось, что брат убитого Микраз ибн Хафс ибн ал-Ахйаф проезжал мимо селения на верблюде, а на перевязи у него был меч. Тогда Микраз подскочил к нему и поставил своего верблюда на колени. Началась схватка, и Микраз зарубил его своим мечом, а потом мечом убитого вспорол ему живот, и с этим мечом вернулся в Мекку, где и повесил его ночью на покрывале Ка'бы. Проснувшись, курайшиты увидели меч 'Амира ибн Йазид ибн 'Амира, висевший на покрывале Ка'бы, и узнали его. Тогда они сказали: «Да ведь это меч 'Амира ибн Йазид. Значит, Микраз ибн Хафс напал на него и убил». Вот так все и началось. Война эта еще продолжалась, когда ислам разделил людей, и они занялись новыми распрями. Так вот, когда курайшиты собирались в поход к Бадру, они вспомнили эту свою вражду с бану бакр и испугались. Микраз ибн Хафс о том, как он убил 'Амира, сложил стихи: Когда я увидел, что это 'Амир, я вспомнил обглоданные останки брата дорогого. И сказал себе: «Вот он 'Амир! Не страшись его. Подумай, что надо сделать. И понял: если нанесу точный удар И уважу его мечом (фурафир), он не устоит. Я обрел уверенность и грудью ринулся

хочет, чтобы предупредили их о том, что он сообщил вам, и придерживались союза с ними. То, что терновник покрылся листьями, означает, что враги вооружились. А женщины сшили бурдюки, готовя их в поход. Говоря о «хайсе», он имеет в виду, что для похода на вас собралось несколько родов, ведь хайс делают из фиников, топленого масла и творога». И бану 'Амр ибн Тамим поняли, что На-шиб предупреждает их о набеге, и ушли в пустыню ад-Дахна'. Они известили об этом бану Малик ибн Ханзала, но те сказали: "Мы не знаем, о чем это говорят бану ал-Джара (прозвище бану 'Амр), и не собираемся перекочевывать из-за того, что сказал из сородич". Наутро племена ал-лахазим напали на бану Ханзала, но увидели, что бану 'Амр собрались и откочевали. Но они нагнали их в ал-Ваките, а во главе ал-лахазим был Абджар ибн Джабир ал-'Иджли. Начался бой, и Бишр ибн ал-'Авра' из бану Тайм ал-Лат ударил копьем Дирара ибн ал-Ка'ка' и взял его в плен, а вечером отрезал ему прядь волос (как знак пленения) и отпустил. Тайласа ибн Зийад взял в плен Ханзалу ибн ал-Ма'мума, а Ханзала ибн 'Аммар – Джувайрийу ибн Бадр из бану 'Абдаллах ибн Дарим. В плен попали и Ну'айм и 'Ауф, сыновья ал-Ка'ка' и другие знатные тамимиты. Но потом 'Ауф и Малик ибн Кайс бежали из плена. А Визар ат-Тайми достиг Хукайма ан-Нахшали, который произносил стихи:

Когда враги поутру нападут,

То смерть с тобою рядом, тут как тут!

И Визар бросился на него и убил. В тот же день после битвы бакриты встретили трех человек из бану 'Ади ибн Джундуб ибн ал-'Анбар. Они вместе со своими сородичами ушли в пустыню ад-Дахна' и не участвовали в битве с бану Дарим. Эти трое пасли верблюдов, и бакриты напали на них и угнали верблюдов. А Визар сражался с ними и говорил:

На воина опытного с мечом острым.

Когда столкнулись наши воли, не повел себя я как человек подлого происхождения по женской и мужской линии.

Дерзнул я отомстить ему, не забыл о долге мщения, Ведь этот долг забывает лишь тот, кто лишен разума ('айхаб).

Ибн Хишам сказал: «Слово фурафир – не в этом стихе – значит 'человек, одинаково владеющий обеими руками', а здесь оно имеет значение 'меч'. Слово 'айхаб значит 'тот, кто лишен разума'. Его употребляют в отношении самцов антилоп и страусов. Ал-Халил сказал: "Слово 'айхаб значит 'человек, неспособный отомстить'"».

Ибн Исхак сказал: «Рассказывал мне Йазид ибн Руман со слов 'Урвы ибн аз-Зубайра, который говорил: «Когда курайшиты собрались выступать, они вспомнили свою вражду с бану бакр, и это их едва не остановило. Однако им явился Иблис (дьявол) в образе Сураки ибн Малика ибн Джу'шума ал-Мудлидзи из знатных кинанитов и сказал им: «Я беру вас под защиту, чтобы кинаниты не причинили вам вреда, напад сзади». И курайшиты выступили без промедления».

Когда враги пошли на нас войной, У ал-Вакиа стали мы стеной, И луки со звенящей тетивой. Натягивали твердою рукой. Хаджрийские (луки) разили их стрелой, И громко клич звучал наш боевой!	
--	--

В рассказе «День ал-Вакит» говорится, что «союзные племена из бану Бакр ибн Ва'ил, известные под названием ал-лахазим, решили напасть на племя тамим, воины которого в то время были в набеге». Один из воинов тамим, Нашиб ибн Башама ал-'Анбари, находившийся в плену у племен ал-лахазим, решил предупредить своих соплеменников о готовящемся набеге. Для этого ему пришлось прибегнуть к хитрости. Получив от ал-лахазим разрешение направить к своим сородичам юношу с якобы домашними поручениями, он в их присутствии на самом деле снабдил его зашифрованной информацией о готовящемся нападении. Тамимиты, поняв смысл сообщения с предупреждением, переменили место кочевки. Однако племена ал-лахазим нагнали их в месте ал-Вакит, где и завязался бой, в ходе которого были и убитые, и пленные. Знатные воины с обеих сторон обменивались в ходе сражения стихами.

Рассказ имеет отчетливо выраженный аисториографический характер. Главное место в нем — и содержательно, и по объему — занимает эпизод с формулированием хитроумной информации о готовящемся набеге. Замаскированная операция по введению противника в заблуждение осуществляется в несколько этапов. Вначале тамимит проводит внешне обоснованное испытание интеллектуальных способностей посланника из племени ал-лахазим с помощью несложных вопросов, которые, как оказалось впоследствии, уже содержали, наряду с внешней, тестовой, и зашифрованную информацию. Получив верные ответы на вопросы, тамимит затем формулирует посланнику якобы невинные поручения к соплеменникам. Расшифровка информации Нашиба ибн Башама соплеменниками и союзниками тамимитов также осуществляется по законам фольклорного повествования о загадках-отгадках: неверная интерпретация (ложный ход — сознательное затягивание действия, предусмотренное фольклорной поэтикой) — верная интерпретация (разгадка) и т.д.

Текст «День ал-Вакит» содержит существенные художественные детали — меткие портретные характеристики, живые диалоги, точные детали описаний, стихи, наполненные фигурами и тропами, и пр.

Теперь сопоставим с рассказом «дней» соответствующий фрагмент из Сиры Ибн Исхака – Ибн Хишама. Рассказ о военных столкновениях курайшитов с кинанитами (в Сире столкновения называются «войной»), взятый сам по себе, вне контекста описания битвы при Бадре, выглядит как сколок с «дней арабов». Фрагмент из главы «Великая битва при Бадре» соответствует духу *аййам ал-‘араб* и во многом совпадает с их буквой. В нем присутствуют беллетризованные элементы повествования, живые диалоги, индивидуальные детали в портретах и характерах действующих лиц. Стихи, произнесенные героем, являются данью поэтическому канону, содержат фигуры и тропы. Отличия также вполне определены. Историографическая и – в данном случае связанная с ним – филологическая (как элемент рефлексии над текстом) составляющие фрагмента обнаруживаются сразу. Рассказ начинается отсылкой Ибн Исхака приводимого текста к источнику, информатору, т.е. в данном случае к самому себе, что является одним из обязательных свидетельств надежности происхождения информации. Стихи снабжены комментарием трудных слов, инкорпорированным в текст рассказа. И, наконец, что самое важное, рассказ дважды – в начале и в конце эпизода – эксплицитно привязывается к повествованию о битве при Бадре. Тем самым яркий и вполне самодостаточный сам по себе рассказ как элемент композиции превращается в границах повествования о битве при Бадре в «сообщение о событии».

При анализе текстов из Сиры и «дней арабов» необходимо вновь напомнить о терминологии Д.С. Лихачева – «рассказ о событии» и «изображение события». В процитированных текстах из «дней арабов» и Сиры стремление к «изображению событий» выражено определенно и приносит вполне осязаемые результаты. «День ал-Вакит» представляет собой законченный рассказ, в котором живописуются многие детали. Фрагмент из главы «Великая битва при Бадре» соответствует духу *аййам ал-‘араб*: в нем присутствуют беллетризованные элементы повествования, живые диалоги, индивидуальные детали в портретах и характерах действующих лиц. Короче говоря, данный эпизод из Сиры может рассматриваться, на наш взгляд, как «изображение события».

Приведем для сопоставления еще два небольших – по необходимости – отрывка из *аййам ал-‘араб* и Сиры с описанием батальных сцен, ставших позднее неотъемлемой частью трудов *магази* – сочинений о военных походах Мухаммада.

Отрывок из «Дня ан-Нафрават»²⁴ и отрывок из Сиры с описаниями поединков перед битвой при Бадре²⁵.

День ан-Нафрават	Великая битва при Бадре
<p>Зухайр обычно устраивал из ветвей навес для лошадей и держал их всегда рядом, на всякий случай. И вот, под утро его лошадь ал-Каса заржала, почуяв чужих лошадей, и Зухайр спросил: «Что с ней?» «Она почуяла лошадей и заржала, – ответил ему один из спутников, – и как только враги услышат ее, появятся перед вами всадники, спешащие друг за другом.» Зухайр подумал, что едут йеменцы, и спросил Усайда, своего брата: «Кто это?». «Это те, о которых ты не хотел говорить вечером», – ответил Усайд, прыгнул на лошадь и ускакал, спасая свою жизнь. Тогда Зухайр вскочил на ал-Каса, хотя и был уже толстым стариком, и сказал сыну Варке: «Взгляни: что ты видишь?» «Я вижу всадника на рыжей лошади, он торопит ее и погоняет кнутом», – ответил тот. «Что он хочет с кнутом от рыжей?» – сказал Зухайр. Тут ал-Каса заупрямилась под Зухайром и Халид закричал: «Не быть мне живым, если он спасется». Но ал-Каса пустилась во всю прыть, и Халид на своей лошади Хазфе не мог догнать Зухайра. Тогда он крикнул Му'авии ал-Ахйалу ибн 'Убаде, бывшему с ним: «Догони его!» И Му'авийа догнал Зухайра, но сыновья того, Варка и ал-Харис, стали отбиваться от него. Тогда Халид крикнул: «Ударь его лошадь в ногу!» Му'авийа ударил ал-Каса в ногу, и бег ее ожесточился, хотя она и не замедлила его. Тут Зухайр крикнул ему: «Ударь и в другую ногу!» Он хотел, чтобы от второго удара выровнялся бег лошади. Но Халид крикнул Му'авии, чтобы тот бил в одно место, и Му'авийа ударил ал-Каса в ту же ногу и повернул копые в ране, так что она замедлила бег. Тут Халид догнал Зухайра, обхватил его рукою за шею и</p>	<p>Ибн Исхак сказал: «Вперед выступил ал-Асвад ибн 'Абд ал-Асад ал-Махзуми, человек свирепый и злобный, и произнес: «Даю обет Аллаху, что попою из их водоема и либо разрушу его, либо лягу подле него». Навстречу ему вышел Хамза ибн 'Абд ал-Мутталиб. Когда они сошлись, почти у самого водоема, Хамза взмахнул мечом и отсек противнику ногу почти до колена. Тот упал на спину, а из его ноги в сторону курайшитов со свистом била кровь. Ал-Асвад попыл к водоему, чтобы броситься в него и исполнить, как можно предположить, свой обет. Хамза подскочил и зарубил его уже в бассейне». Ибн Исхак сказал: «После этого выступил 'Утба со своим братом Шайбой ибн Раби'а и сыном ал-Валидом ибн 'Утбой. Выйдя из строя, он вызвал на поединок противников. Навстречу ему выступили трое молодых из ансаров: 'Ауф и Му'ав-виз, сыновья ал-Хариса, а мать их звали 'Афра', и еще один человек по имени 'Абдаллах ибн Раваха. Вызвавшие спросили: «Кто вы такие?». Те отвечали: «Мы – из ансаров». Курайшиты сказали: «Нам до вас дела нет». Потом тот, кто бросил от их имени вызов, крикнул: «Мухаммад! Вышли нам ровню из нашего племени». Тогда посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: «Выходи, 'Убайда ибн ал-Харис! Выходи, Хамза! Выходи, 'Али!» Когда они вышли и приблизились к соперникам, те спросили: «А вы кто такие?». Убайда ответил: «Я – 'Убайда». Хамза ответил: «Я – Хамза». 'Али ответил: «Я – 'Али». Тогда курайшиты сказали: «Да, вы равны нам по благородству». 'Убайда, муж почтенного возраста, вступил в поединок с 'Утбой ибн Раби'а;</p>

²⁴ День ан-Нафрават. Пер. с араб. и прим. Вл.В. Полосина – Аравийская старина... С. 125-127. В переводе изменены написания некоторых арабских имен.

²⁵ Перевод чит. по: Великая битва при Бадре. С. 83-84.

сбросил с лошади, а сам упал сверху. Подскакал Хундудж ибн ал-Бакка, один из тех, что были с Халидом, увидел, что Халид сорвал стальную сетку с головы Зухайра, и крикнул ему: «Убери голову, Абу Джаз!». Халид отклонил голову, и Хундудж ударил Зухайра мечом в голову. А Варка ударил по голове Халида, но на том было две сетки, и удар не причинил ему вреда. Однако сыновья Зухайра отогнали врагов от отца и увезли его, раненого. «О горе! – воскликнул Халид. – Я думал, что этот поход принесет нам вам удовлетворение.» И он стал упрекать Хундуджа, но тот ответил: «Меч – железный, а рука – крепка, и ударил я его, упершись в стремя, и слышал, как меч сказал «кабкаб», попав ему в голову, а на острие его видел как бы плоды травы мурар». «Ты убил его, да будет мой отец выкупом за тебя!» – воскликнул Халид. А сыновья Зухайра посмотрели на отца и увидели, что удар достиг мозга. Зухайр попросил у них напиться, но они не дали ему воды, так что он стал страдать от жажды и сказал: «Неужели я умру от жажды! Напоите меня, даже если в этом смерть моя». Потом он стал звать: «Варка!», а когда тот не ответил ему, стал призывать Шаса. Увидев это, сыновья напоили его, а через три дня он умер.

Хамза – с Шайбой ибн Раби'а; 'Али – с ал-Валидом ибн 'Утбой. Хамзе потребовалось немного времени, чтобы сразить Шайбу. 'Али тоже быстро зарубил ал-Валида. 'Убайда и 'Утба обменялись ударами и ранили друг друга. Тут подскочили Хамза и 'Али, которые своими мечами зарубили 'Утбу, а потом подхватили 'Убайду и отнесли его к своим». Ибн Исхак сказал: «Рассказывал мне 'Асим ибн 'Умар ибн Катада, что 'Утба ибн Раби'а сказал, когда молодцы из ансаров назвались: «Вы – ровня нам по благородству, но мы хотим соперников из своего племени».

В рассказе «День ан-Нафрават» повествуется о *господине* племен хавазин Зухайре ибн Джазиме ал-'Абси, притеснявшем своих соплеменников. Однажды, когда Зухайр грубо обошелся со старой женщиной из племени, его соплеменник Халид ибн Джа'фар поклялся ему отомстить. В рассказе подробно освещаются все перипетии истории, закончившейся гибелью Зухайра от руки Халида.

«День ан-Нафрават», как и «День ал-Ваakit», хотя и приводит некоторые документально точные детали, скорее может быть охарактеризован как литературное повествование, нежели как историографическое сообщение. Рассказ содержит многочисленные портретные характеристики героев, психологические мотивировки их действий, яркие диалоги и монологи, подробные дескриптивные пассажи. Особо необходимо отметить превосходное

изображение батальных сцен, описание предметов воинского облачения, скорее свойственное более поздним историческим романам, чем средневековым историческим хроникам. Это та самая особенность поэтики «дней арабов», о которой не раз говорили востоковеды в прямой связи с соответствующими эпизодами Сиры. Наконец, как и в предыдущем тексте, герои рассказа произносят пышные стихи (обычно с угрозами в адрес противников и с воспеванием своей воинской доблести), историографическое значение которых едва ли стоит переоценивать.

Скажем несколько слов и о приведенном отрывке из Сиры с описаниями поединков перед битвой при Бадре. В нем последовательно говорится о 4 поединках курайшитов-язычников с мединцами-мусульманами. Как и в предыдущем сопоставлении, мы обращаем внимание на близость текстов «дней» с сочинением Ибн Исхака – Ибн Хишама по многим важным параметрам. Нюанс состоит лишь в том, что на этот раз речь идет о сходстве в кратких точных индивидуальных характеристиках физических и моральных качеств героев, в живых монологе и диалогах при описании военных сцен. Отличия также во многом прежние. Правда, историографическая составляющая текста из Сиры все-таки на этот раз оказывается более явной; филологический компонент (на этот раз приводится вариант одной из реплик диалога), как и автоотсылка текста к автору, Ибн Исхаку, также присутствуют. Эпизод эксплицитно привязывается к повествованию о битве при Бадре; запоминающийся и самостоятельный, хотя и небольшой по объему, рассказ функционально превращается в «сообщение о событии».

Обратимся теперь ко второму из рассматриваемых нами компонентов доисламского и раннеисламского историографического наследия. Предпримем попытку составить представление о *хабарах* в интересующих нас аспектах по имеющимся в нашем распоряжении средневековым историографическим трудам. Приведем для сопоставления несколько отрывков из Сиры и компиляций и одного из компендиумов, в которых опора на сообщения из сборников *хабаров*, представляется достаточно очевидной, а в некоторых случаях подтверждается и определенными ссылками (так называемыми *иснадами*). Все цитируемые ниже авторы компиляций и компендиума, как уже отмечалось, хронологически отно-

сятся к одной эпохе, что делает сопоставления более наглядными и убедительными.

Процитируем отрывки из трудов Ибн Исхака (ум. 150/767) – Ибн Хишама (ум. в 218/833 или 213/828 г.)²⁶, двух обширных компиляций – «Книги завоеваний стран» («Китаб футух ал-булдан») ал-Балазури (ум. 279/892-893)²⁷, «Истории пророков и царей» («Та'рих ар-русул ва ал-мулук») ат-Табари (224-310/839-923)²⁸ и компендиума «Книга длинных известий» («Китаб ал-ахбар ат-тивал») ад-Динавари (ум. 281/894)²⁹.

Ибн Исхак	ал-Балазури	ат-Табари	ад-Динавари
1. Ибн Исхак сказал: «Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, услышал, что Абу Суфйан ибн Харб идет из Сирии с большим торговым караваном курайшитов. Караван сопровождают тридцать или сорок курайшитских воинов, в числе которых Мах-рама ибн Науфал ибн Ухайб ибн 'Абд Манаф ибн Зухра и 'Амр ибн ал-'Ас ибн Ва'ил ибн Хишам». Ибн Хишам сказал:	1. Рассказал мне Му-хаммед ибн Са'д, которому рассказал Мухаммед ибн 'Омар ал-Вакиди со слов ал-Валида ибн Касира, а тот [говорил] со слов Йазида ибн Абу Хабиба, сообщившего со слов Абу-л-Хайра, который сказал: «Когда мусульмане завоевали Египет, 'Амр ибн ал-'Ас послал в окружающие его селения конницу, чтобы попрали она их. И послал 'Амр также 'Укбу ибн Нафи' ал-Фихри, а Нафи' был	1. Рассказал мне 'Алий ибн Сахл, который сказал, что ал-Валид ибн Муслим сообщил им, что Ибн Лахи'а со слов Йазида ибн Ха-биба говорил ему, что, когда мусульмане завоевали Египет, они напали на египетских нубийцев и возвратились пораженными, с потерянными зрачками из-за превосходной стрельбы [нубийцев] из луков. И называли нубийцев «стрелками по зрачкам». 2. В этом же году	1. У Бахрама была сестра Курдийе, считавшаяся одной из самых красивых женщин Ирана, весьма способная, совершенного нрава, блестящая наездница. Соратники Бахрама выступили во главе с Курдийе, восседавшей на коне Бахрама и вооруженной его доспехами, пока не достигли реки Джейхун, той, что рядом с Хорезмом. Там они переправились на другой берег, и тарханы отделились от них.

²⁶ Переводы цит. по: Великая битва при Бадре. С. 54-55, 55-56, 59, 59-61, 65-66.

²⁷ Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 1. Арабские источники VII-X вв. Перев. Л. Е. Куббеля, В. В. Матвеева. М.-Л. АН СССР. 1960. С. 27-30.

²⁸ Текст 1 – Древние и средневековые источники... С. 27-30. Тексты 2-5 – «История» ат-Табари. Избранные отрывки. Перев. с араб. В.И. Беляева с дополн. О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. Ташкент, 1987. С. 107-108.

²⁹ Колесников А.И. Приложение. Русский перевод арабского текста из книги «Длинные известия» Абу Ханифы ад-Динавари // Иран в начале VII века (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). Палестинский сборник. Вып. 22 (85). Л., 1970. С. 129, 131, 125, 128.

<p>«Говорят, что имя последнего – ‘Амр ибн ал-‘Аса ибн Ва’ил ибн Хашим». 2. Когда посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, услышал, что Абу Суфйан возвращается из Сирии с караваном, он послал против него мусульман, сказав: «В этом караване находится богатство курайшитов. Идите на них, может быть, Аллах дарует вам его в качестве добычи». Мусульмане выступили поход. Кто-то отправился с легким сердцем, кто-то – с тревогой, ибо люди не предполагали, что посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, решится на войну. Абу Суфйан же, когда приблизился к Хиджазу, принялся выведывать новости, расспрашивая всех встречных всадников, опасаясь за своих людей. И вот, какие-то встречные всадники сообщили Абу Суфйану: «Мухаммад поднял на тебя и твой караван своих сподвижников». Из предосторожности Абу Суфйан договорился с Дамдамом ибн</p>	<p>братом ал-‘Аса по матери. И вошла их конница в Нубию, как входила в Рум во время летних походов. «И встретили мусульмане со стороны нубийцев сильное сопротивление: те вышли им навстречу и забросали стрелами, так что все они были ранены. И ушли мусульмане со многими ранами и выбитыми глазами, а нубийцы были прозваны «стрелками по зрачкам». И оставались нубийцы в таком положении, пока не стал править Египтом ‘Абдаллах ибн Са‘д ибн Абу Сарх. Нубийцы попросили у него мира и взаимных гарантий, и он дал им согласие на это без выплаты джизы, однако на условии выдачи трехсот голов рабов ежегодно и с тем, чтобы мусульмане передавали им соответствующее количество продовольствия». Рассказал мне Мухаммед ибн Са‘д, которому рассказал ал-Вакиди, сказавший, что ему сообщил Ибрахим ибн Джа‘фар со слов ‘Амра ибн ал-Хариса, говорившего со слов Абу Кабила Хуйайа ибн</p>	<p>ал-Хаджадж б. Йусуф отстранил Йазид б. ал-Мухаллаба от управления Хорасаном и назначил правителем его ал-Муфаддала б. ал-Мухаллаба, брата Йазид а. 3. Когда Сабит выступил в Хушвару, он послал к Тархуну и Тархун прибыл к нему на помощь. До Мусы дошло известие о приходе Тархуна и он вернулся в Термез, а его (Тархуна) подерживали жители Кеш-ша, Несефа и Бухары. Сабит прибыл во главе восьмидесяти тысяч. Они осадили Мусу и отрезали от него доставку продовольствия, так что их стал томить голод. Он говорит: воины Сабита днем переправлялись через реку [для действий] против Мусы, затем возвращались ночью в свой лагерь. Однажды вышел Ракаба, – а он был одним из друзей Сабита и до того удерживал сторонников Мусы от того, что они сделали, – и вызвал Сабита. Тот вышел к нему, а на Ракабе была шелковая каба’. Сабит спросил его: «Как ты поживаешь, Ракаба?»</p>	<p>Сторонники Бахрама двинулись к устью реки. Потом они спустились к Джурджану и вошли в Табаристан. Затем, пользуясь морским побережьем, они достигли страны Дейлем и попросились к ним (дейлемитам) на жительство. Те согласились на это, и стороны обменялись письмами, что не будут чинить обид одна другой. Они (соратники Бахрама) пребывали в безопасности, получили жалованье, деревни и пашни, и Дейлем оказывал им помощь во всех делах. 2. Приблизившись к Бистаму, (царские) отряды бросились в его сторону, а он выступил и отошел к Хамадану. Он там остановился и отправил пеших послов к начальникам горных походов, чтобы последние препятствовали продвижению и восхождению людей. Он сказал, и отряды расположились у подножия горы в местности, называемой Калус. Кисре написали, извещая об этом. Кисра выступил сам во главе пятидесяти тысяч всадников,</p>
---	--	--	--

<p>‘Амром ал-Гифари, что тот за плату отправится в Мекку к курайшитам, поднимет их на защиту своего имущества и сообщит им, что Мухаммад со своими сподвижниками преградил каравану путь. И Дамдам ибн ‘Амр поспешил в Мекку.</p> <p>3. Пошел я в Святителище и там увидел Абу Джахла. Клянусь Аллахом, я направился к нему с намерением спровоцировать его, чтобы он повторил что-то из сказанного, а я бы тогда воздал ему по заслугам. Человек он был тщедушный, с острым личиком, острым языком, острым взглядом.</p> <p>4. Ибн Исхак сказал: ‘Абдаллах ибн Аби Нуджайх, что Умаййа ибн Халаф решил было остаться, а был он старцем степенным, дородным, грузным, но тут пришел к нему ‘Укба ибн Аби Му‘айт, когда тот сидел в мечети в окружении своих сородичей. В руках у ‘Укбы была курильница, в которой тлели палочки благовоний. Он поставил курильницу перед Умаййей и сказал:</p>	<p>Хани ал-Ма‘афири, а тот – со слов некоего шейха из племени Химйар, который сказал: «Видел я нубийцев дважды в правление ‘Омара ибн ал-Хаттаба, и не видел я народа более сильного в битве, чем они. Ведь я видел, как один из них говорил мусульманину: «Куда, ты хочешь, чтобы я поразил тебя стрелой?». И часто насмехался какой-нибудь удалец из нас, говоря: «В такое-то место». А тот не промахивался. Они выпускали много стрел, а почти не видно было их стрел, воткнувшихся в землю. Однажды вышли они к нам и выстроились против нас, а мы хотели напасть на них разом с мечами, но не смогли мы отбросить их. Они стреляли в нас, так что пропадали наши глаза, и насчитывалось 150 выбитых глаз. И сказали мы: «Нет добра в мирном договоре с этими, ведь добыча от них мала, а раны от них тяжелы». И не заключал ‘Амр мирного договора с ними, и продолжал поносить их, пока не был смещен...».</p>	<p>Тот ему ответил: «Что ты спрашиваешь у человека, на котором шелковая джубба в разгар летнего зноя!» – и стал жаловаться ему на положение осажденных. Сабит сказал: «Вы сами сделали это с собой». Тот возразил: «Клянусь Аллахом! Я не принимал участия в их деле. Я всегда не одобрял того, что они хотели». Сабит спросил: «Где ты будешь, пока к тебе не придет то, что тебе предназначено?» Он ответил: «Я – у ал-Мухилла ат-Туфави, кайсита из рода йа’сур». Ал-Мухилл был старик, любитель вина, и Ракаба поселился у него.</p> <p>4. ‘Али прибыл к дверям ал-Мухилла и вошел, и вот Ракаба и ал-Мухилл сидят и между ними большая чаша с вином и столки, на котором куры и хлебные лепешки; Ракаба с растрепанными волосами и красным пледом, перекинутым через плечо. ‘Али вручил ему кошелек и передал ему послание и то, что сказал Сабит. Тот принял кошелек и рукой сделал ему знак выйти,</p>	<p>пока не соединился со своими отрядами, стоявшими лагерем в Калусе. Он оставался с ними, пока не дал им отдохнуть...</p> <p>3. Хормузд вышел от него в отчаянии и заручился доверием его жены Хатун, которая была женщиной глупой и неблагодарной. Однажды он прибыл к ней, когда у нее не было никого, кого бы следовало опасаться. Сказал: «О царица! Вы избрали Бахрама и подняли его выше того, что определено ему судьбой. А это опасно, ибо он настроит против вас ваше царство так же, как он восстановил его против нашего царя Хормуза! Затем он рассказал ей о том, что было им (Бахрамом) содеяно, и добавил: «О царица! Разве ты забыла о том, что он убил твоего дядю шаханшаха и овладел его троном и казной?». Он не переставал напоминать ей об этом и подобных этому делах, пока не заронил в ее сердце ненависть к Бахраму и страх перед ним за своих мужа и сына. Она сказала: «Горе тебе!</p>
--	---	---	---

<p>«Подушись, Абу 'Али, ведь никак ты из числа женщин». Тот воскликнул: «Чтоб ты пропал! Да изведет Аллах тебя и твои пако-сти», а потом сна-рядился и выступил вместе с остальны-ми».</p> <p>5. Ибн Исхак ска-зал: «У сподвиж-ников посланника Аллаха, да благо-словит его Аллах и приветствует, было в тот день семьде-сят верблюдов, и на одного скакуна приходилось по несколько человек. Посланник Алла-ха, да благословит его Аллах и при-ветствует, 'Али ибн Аби Талиб, Марсад ибн Аби Марсад ал-Ганави ехали по очереди на одном верблюде. Хамза ибн 'Абд ал-Мутта-либ, Зайд ибн Ха-риса, а также два вольноотпущен-ника посланника Аллаха, да благо-словит его Аллах и приветствует, Абу Кабша и Анаса, тоже ехали по оче-реди на одном вер-блюде. Абу Бакр, 'Умар и 'Абд ар-Рах-ман ибн 'Ауф также ехали по очереди на одном верблюде».</p>	<p>2. Говорит ал-Ва-киди: «А в Нубии пропал глаз у Му'а-вии ибн Худайджа ал-Кинди, и был он кривым».</p> <p>3. Он сражался с царем ал-буджа, будучи с небольшим числом воинов. Буджа вышел про-тив него с толпой воинов на связан-ных верблюдах. А ал-Кумми прибег-нул к колокольцам и повязал их лоша-дям. Когда услыша-ли верблюды звук бубенцов, рассея-лись они с всадни-ками ал-буджа по долинам и горам, и был убит правитель ал-буджа.</p>	<p>но не заговорил с ним.</p> <p>5. Он говорит: Рака-ба был дородным, большим, с глубоко сидящими глазами и выдающимися скулами, с редкими зубами, между дву-мя зубами у него было расстояние в один зуб, – лицо его было похоже на щит.</p>	<p>Что я могу сделать с его властью и по-ложением? От царя его положение!». Он сказал: «Нужно, чтобы ты подослала к нему того, кто его убьет, и доверилась бы мне ради твоих мужа и сына». Она призвала к себе слугу, известного ей убийствами и отвагой, и сказала ему: «Тотчас же от-правляйся в путь, пока не прибудешь к Бахраму! Будь обходителен, чтобы его убить, и не воз-вращайся ко мне, пока не покончишь с ним!».</p>
---	---	--	---

В процитированных выше текстах из четырех памятников средневековой арабской литературы выявляются различные признаки отражения действительности. Некоторые из текстов могут быть охарактеризованы как *сухие хроникальные сообщения о тех или иных событиях*. Тексты из Сиры не имеют отсылок-иснадов, поскольку они относятся к описанию битвы при Бадре, которому предпослан обширный *иснад*, но при этом текст 1 из Сиры содержит уточняющий комментарий. Сообщения из трудов ал-Балазури и ат-Табари, как правило, сопровождаются более или менее подробными *иснадами*. Тексты ад-Динавари, обычно не имеющие *иснадов*, и в нашей подборке сохраняют эту особенность. К этой группе можно отнести в Сире Ибн Исхака тексты 1-2, у ал-Балазури – тексты 2-3, у ат-Табари – тексты 1-2, у ад-Динавари – текст 2.

Все прочие тексты в подборке в большей или меньшей мере содержат детали, расцвечивающие сообщения. Это уже не сухая историографическая информация, а *рассказы об определенном событии*. Однако говорить о том, какая часть из них может квалифицироваться как «рассказы о событиях», а какая – как «изображение событий» было бы очень смело. Заметим лишь, что во многих из процитированных текстов содержатся тонкие психологические и наглядные штрихи к портретам героев. Отнесем к ним тексты 3 и 4 из Сиры: «Человек он был тщедушный, с острым личиком, острым языком, острым взглядом»; «был он старцем степным, дородным, грузным». Причем тексты 3 и 4 обладают, на наш взгляд, необходимыми чертами, позволяющими отнести их к мини-изображениям (точные портретные детали, живые диалоги, элементы изображения действий и т.п.). У ат-Табари в текстах 4 и 5 отметим яркие детали: «Ракаба с растрепанными волосами и красным пледом, перекинутым через плечо»; «Ракаба был дородным, большим, с глубоко сидящими глазами и выдающимися скулами, с редкими зубами, между двумя зубами у него было расстояние в один зуб, – лицо его было похоже на щит»; его же текст 3 содержит элементы «изображения события».

Приведенные в подборке тексты так или иначе соотносят 4 источника с богатым фондом средневековых арабских сообщений-*хабаров*. В данном случае для нас не имеет большого значения, соотносились ли ал-Балазури, ат-Табари и ад-Динавари с этим фондом в каком-либо контакте с сочинением Ибн Исхака или же черпали сообщения из фонда, так сказать, через голову автора Сиры. Важно же заметить здесь, что труд Ибн Исхака и отстоящие от него не менее

чем на век сочинения арабских историков в данном случае единит внимание к одной из ветвей доисламского и раннеисламского исторического предания, а именно к сообщениям–*хабарам*.

Некоторые тексты двух компиляций можно охарактеризовать как историографические сообщения о тех или иных событиях. Прочие тексты в большей или меньшей мере содержат литературные детали. Это уже не *хабарная* историографическая информация, а рассказы об определенном событии. Таким образом, можно говорить в самом общем плане, что литературное воздействие «дней арабов» затронуло не только Сиру Ибн Исхака – Ибн Хишама, но и более поздние историографические компиляции ал-Балазури и ат-Табари и компендиум ад-Динавари, в основе своей более тяготеющие к *хабарам*.

Анализ *хабаров* и *аййам ал-‘араб* в соотнесении их с близкими им по содержательным характеристикам элементами Сиры позволяет нам – вслед за многочисленными исследователями – подтвердить наличие черт сходства между сочинением Ибн Исхака – Ибн Хишама и более поздними компиляциями и компендиумами, наполненными сходным материалом арабского доисламского и раннеисламского исторического предания. Однако при анализе роли данного предания в «Жизнеописании Пророка» нельзя ограничиться констатацией признаков сходства. При содержательной близости составных элементов существовало значительное расхождение их функции в композиции Сиры, с одной стороны, и компиляций и компендиумов – с другой, о чем говорилось в начале раздела. Отвлекаясь от анализа содержательных характеристик «сообщений» и «дней», основное внимание далее мы обратим на роль данных двух классов содержательных элементов отдельно в композиции Сиры и в композиции компиляций и компендиума. Как мы увидим позднее, нарративные элементы *хабаров* и *аййам ал-‘араб* как единицы композиции выполняют разные в зависимости от типов сочинений, но при этом каждый раз идентичные и для *хабаров*, и для *аййам ал-‘араб* функции. Эти функции разнятся не в зависимости от принадлежности данных нарративных элементов к «сообщениям» или «дням», а в зависимости от их принадлежности к Сире или же к компиляциям или к компендиумам. На этой стороне дела нам и предстоит теперь остановиться.

Здесь нам необходимо вернуться к рассуждению о дискретности арабского доисламского и раннеисламского историко-генеалогического предания. «Событийность» оставалась главным прин-

ципом отбора и организации материала и в ранних формах исторического повествования после прихода ислама. Историческое сообщение в составе предания было «вестью о событии», «обычным сообщением о происшедшем», – настаивает П.А. Грязневич. И далее ученый развивает свою мысль. В историческом предании преобладало «сообщение об одном или нескольких конкретных фактах недавнего прошлого, а не связное повествование о событиях, объединенное общей идеей», «господствовал принцип “событийной” группировки информации: весь исторический материал концентрировался вокруг “памятного” события (происшествия – *йавм*), чем-то поразившего воображение современников, или значимого как этико-правовой прецедент... Это обусловило и злободневность, и **дискретный характер исторического сообщения в составе предания**: это были “весть”, “известие”, “сообщение” (*наба’*, *хабар*, *хадис*, *зикр* и т.п.)» (выделено нами. – А.К.)³⁰.

В ценных наблюдениях П.А. Грязневича мы обращаем особое внимание на слова о дискретности исторического сообщения «в составе предания». Такой ракурс в освещении вопроса допускает возможность того, что взятое само по себе отдельное историческое сообщение может обладать – и в действительности часто обладало – характеристиками связного повествования. Вновь обратимся к процитированным ранее текстам.

Рассказ «День ал-Вакит» из *аййам ал-‘араб* и фрагмент из главы «Великая битва при Бадре» о подготовительных мероприятиях мединцев перед Бадром свидетельствуют о важных различиях данных текстов в указанном аспекте. Текст из «дней арабов» предстает перед нами как связное сюжетное повествование. Фрагмент из Сиры интегрирован в описание битвы при Бадре как эпизод, имеющий не самостоятельное значение, а именно как эпизод, связанный с данной битвой. Формально он не имеет непосредственного отношения к описанию битвы. Ибн Исхак мог бы ограничиться кратким упоминанием конфликта курайшитов с кинанитами как еще

---

³⁰ Грязневич. Указ. соч. С. 144, 135-137 и др. Сходные мысли высказывают авторы статьи Ta’rikh: сборники хабаров были скорее сводами отдельных сообщений-хабаров, относящихся каждый раз к определенному событию из некоего заданного перечня событий, нежели целостными повествованиями о том или ином из этих самых событий; большинство из них носило скорее «монографический», чем «синтезирующий» характер: в рамках одного сборника приводились вместе отдельные отчеты об одном отдельно взятом крупном событии (подробнее см.: Ta’rikh. P. 273a-273b).

одного из обстоятельств, осложнявших подготовку мекканцев к походу. Тем не менее автор жизнеописания Пророка разворачивает описание эпизода и дважды во вступлении к эпизоду и в заключении как бы мотивирует необходимость его присутствия в данной главе. И все-таки данный эпизод, текст которого сам по себе характеризуется связностью повествования, в главе о битве при Бадре превращается в «весть», «известие», «сообщение».

Здесь нам представляется полезным вновь сослаться на опыт изучения подобных сочинений в мировой медиевистике. Так, Д.С. Лихачев, говоря о существовании в разных жанрах исторического повествования древнерусской литературы связного рассказа, подчеркивал при этом свойственную данному рассказу «большую или меньшую ограниченность, замкнутость времени пределами рассказа»: «Будучи включенными в летопись, эти связные и замкнутые исторические повествования получали новую художественную функцию: их замкнутость разрушалась, рассказ становился записью, сюжет превращался в событие»³¹.

В свете рассуждения Д.С. Лихачева, «День ал-Вакит», напротив, предстает перед нами как связное повествование, самодостаточный рассказ в составе *аййам ал-‘араб*. Он не «становится записью», не «превращается в событие», подобно рассказу о войне курайшитов с кинанитами, также связному повествованию, но включенному как эпизод-«событие» в главу о битве при Бадре.

Приведенному эпизоду из Сиры предшествует общий полный *иснад* к описанию битвы при Бадре, он также снабжен, как явствует из процитированного русского перевода, и несколькими вспомогательными *иснадами* к фрагментам текста, тогда как единственный *иснад* «Дня ал-Вакит» (в варианте «Неповторимого ожерелья») – простая отсылка к информатору, хотя в других рассказах «дней арабов» могут присутствовать и более подробные *иснады*. Филологический комментарий представляет собой привычный элемент внесюжетного сопровождения к сообщениям в Сире, тогда как в имеющихся в нашем распоряжении текстах «дней арабов» и *хабаров* филологические и прочие комментарии от имени Абу ‘Убайды и других ученых встречаются относительно редко и – главное – не нарушают связности повествования.

---

³¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. С. 268-269.

В цитируемых батальных текстах из «дней арабов» и Сиры также имеются уже знакомые нам отличия. Рассказ «Дня ан-Нафрават» закончен и самостоятелен. Фрагмент из Сиры представляет собой два небольших эпизода, два «сообщения» в ряду других сообщений большего или меньшего объема, иногда довольно слабо связанных друг с другом, из которых собственно и состоит весь рассказ о битве. Сходные выводы касаются и *иснадов* и комментариев в батальных текстах. В рассказе о «Дне ан-Нафрават» вообще нет никакого *иснада*. В военном эпизоде из Сиры, помимо общего полного *иснада* к описанию битвы при Бадре, содержатся еще две автоотсылки технического характера к Ибн Исхаку. Комментарий к последнему фрагменту из Сиры содержит вариант процитированного незадолго до этого высказывания. И автоотсылки, и комментарий представляют собой привычный элемент внесюжетного филологического сопровождения к сообщениям в Сире, относительно редко встречающегося в текстах «дней арабов» и *хабаров*.

Данные частные наблюдения подкрепляются общими оценками текста описания битвы при Бадре. Сводный отчет Ибн Исхака строится на сообщениях не только перечисленных им в коллективном *иснаде* авторитетов. Ибн Исхак многократно приводит в этой главе не только небольшие единичные сообщения с существенными для понимания обстоятельств битвы при Бадре данными, но и значительные по объему вставные рассказы и эпизоды. По нашим ориентировочным подсчетам общее число таких больших и малых нарративных сегментов, сопровождаемых формулой: «*кала Ибн Исхак*» или – реже – «*кала*» («Ибн Исхак сказал»; «он /Ибн Исхак. – А.К./ сказал»), приближается к 60³².

Сообщение имеет непосредственное отношение к битве при Бадре, но оно не связано ни с предыдущим, ни с последующим абзацами повествования о битве. Оно дает хорошее представление о сборниках *хабаров* и компилятивных исторических сочинениях, в составе которых сообщения «примыкали» друг к другу, существовали изолированно, сами по себе вне связного повествования. Текст таких историографических сочинений создавался,

---

³² Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hishām. Herausgegeben von F. Wüstenfeld. Bd. I–II. Göttingen, 1858–1860. Bd. I. S. 432–475.

по образному выражению Д.С. Лихачева, путем «механической “подшивки” отдельных документов-сведений»³³.

Многие тексты «дней арабов» и Сиры существенно выходят за пределы «сообщения сведений о событии». Они не только представляют собой «рассказ о событии», но нередко содержат элементы «изображения события»: «стремление к изображению событий» приносит вполне осязаемые результаты.

Вместе с тем было бы неверно полагать, что «сообщения сведений о событии», т.е. «сухие» и достаточно точные документально отчеты занимают подчиненное положение по отношению к литературным, беллетризованным текстам в «Жизнеописании Пророка».

Анализ сочинения Ибн Исхака – Ибн Хишама в соотнесении с *аййам ал-‘араб* и *хабарам* и ретроспективный взгляд на него, учитывающий важнейшие тенденции в позднейшей историографии, позволяет сделать определенные выводы. Труд Ибн Исхака – Ибн Хишама и отстоящие от него не менее чем на век сочинения арабских историографов единит несомненное внимание к *аййам ал-‘араб* и *хабарам*. И именно этим двум ветвям арабского доисламского и раннеисламского предания «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама во многом обязано, в частности, своим местом между историографией и литературой.

---

³³ Д.С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. С. 268-269.

Список литературы

1. *Майдани, ал- А.* Маджма' ал-амсал (Собрание пословиц). Т. 1–2. Бейрут, 1961. Т. 2: Глава 29. С. 518–537, 538–545.
2. Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы / отв. ред. Б. Я. Шидфар. – М.: Наука, 1983. 142 с.
3. *Бойко К. А.* Сира // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. С. 209.
4. *Бойко К. А.* Хабар // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. С. 259–260.
5. *Грязневич П. А.* Развитие исторического сознания арабов (VI–VIII вв.) // Очерки истории арабской культуры. V–XV вв. М.: Наука, 1982. С. 75–155.
6. Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. 1: Арабские источники VII–X вв. / пер. Л. Е. Куббеля, В. В. Матвеева. 399 с.
7. *Ибн ан-Надим (ан-Надим).* Китаб ал-фихрист (Каталог). Ред. Р. Таджаддуд. Тегеран: Тип. ал-Марви, 1971. 602 с.
8. *Ибн Исхак – Ибн Хишам.* Жизнеописание Пророка. Великая битва при Бадре / предисл. А. Б. Куделина. Перев. с араб. и комм. А. Б. Куделина и Д. В. Фролова. Подготовка араб. текста и комм. М. С. Налич. – М.: Ин-т Европы РАН, «Русский сувенир», 2009. С. 61–64.
9. *Ибн Халликан.* Вафаййат ал-а'йан ва анба' абна' аз-заман (Кончины великих и сообщения о сынах времени). Ред. И. 'Аббас. Т. 1–8. Бейрут: Дар ас-сакафа, 1968–1972. Т. 5. С. 239.
10. История ат-Табари. Избранные отрывки / пер. с араб. В. И. Беляева с дополн. О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. Ташкент: Фан, 1987. 440 с.
11. *Йакут ал-Хамиви.* Му'джам ал-удаба' (Словарь литераторов). Т. 1–20. Каир, 1922. Репринт: Бейрут, [б.г.]. Т. 19. С. 287–292.
12. *Кадри, ал- М.* Ал-Хабар фи ал-адаб ал-'араби. Дираса фи ас-сардиййа ал-'арабиййа (Хабар в арабской литературе. Исследование арабской нарративности). Тунис: Куллийат ал-адаб, Мануба; Бейрут: Дар ал-Гарб ал-ислами, 1998. 744 с.
13. *Куделин А. Б.* «Ас-Сира ан-набавиййа» Ибн Исхака – Ибн Хишама: к истории текста и проблеме авторства // Письменные памятники Востока. 2009. № 2 (11). С. 90–100.
14. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. – М.: Наука, 1979. 376 с.
15. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 492 с.
16. *Полосина Вл. В.* Предисловие // Хишам ибн Мухаммад ал-Калби. Книга об идолах / Китаб ал-аснам / пер. с арабск., предисл. и примеч. Вл. В. Полосина. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1984. С. 9–12.
17. *Янин В. Л.* Предисловие // *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Эксмо, 1990. Кн. I, вып. 1–3. 1069 с.
18. *Atallah. W.* al-KALBĪ // The Encyclopaedia of Islam (2nd edn – EI²). Leiden and London: E. J. Brill, 1960–2004. T. IV (1997). P. 494–496.

19. *Borg G.* Battle Days // *Encyclopedia of Arabic Literature*. T. 1–2. London & New York: Routledge, 1998. T. 1. P. 141–142.
20. *Caskel W.* ‘Ajjām al-‘Arab, Studien zur altarabischen Epik’ // *Islamica* 3, Suppl. (1930). S. 1–99.
21. *Conrad L. I.* Ibn al-Kalbī // *Encyclopedia of Arabic Literature*. T. 1–2. London & New York: Routledge, 1998. T. 1. P. 340–341.
22. *Dalen, B. van, Humphreys R.S., Marín Manuela, Lambton, Ann K.S., Woodhead Christine, Athar Ali, M., Hunwick J.O., Freeman-Grenville G.S.P., Proudfoot I., Blois, F.C. de.* Ta’rīkh // *The Encyclopaedia of Islam* (2nd edn – EI²). Leiden and London: E. J. Brill, 1960–2004. T. X (2000). P. 273.
23. Das Leben Muhammed’s nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hishām. Herausgegeben von F.Wüstenfeld. Bd. I–II. Göttingen, 1858–1860. Bd. I. S. 432–475.
24. *Khoury R. G.* Les sources islamiques de la «Sīra» avant Ibn Hishām (m. 213/834) et leur valeur historique // *La vie du Prophète Mahomet*. Colloque de Strasbourg (octobre 1980). P., 1983. P. 26–29.
25. *Levi Della Vida G.* Sīra // *The Encyclopaedia of Islam* (1st edn – EI¹). Leiden, E. J. Brill, 1913–1942. T. VII. P. 440–441.
26. *Meyer E.* Der historische Gehalt der Aiyām al-‘Arab. Wiesbaden, 1970. 132 p.
27. *Mittwoch E.* Ayyām al-‘Arab // *The Encyclopaedia of Islam* (2nd edn – EI²). Leiden and London: E. J. Brill, 1960–2004. T. I (1986). P. 793–794.
28. *Mittwoch E.* Proelia Arabum panagorum (Ajjām al-‘Arab) quomodo litteris tradita sint (Diss.). Berlin: Berolinum Mayer, 1899. 159 p.
29. *Schæler G.* Écrire et transmettre dans les débuts de l’islam. P.: Presses universitaires de France, 2002. VII+171 p.
30. *Sezgin U.* Abū Mihnaf: ein Beitrag zur Historiographie der Omayyadenzeit. Leiden: E. J. Brill, 1971. 190 p.
31. *The Cambridge History of Arabic Literature. Religion, learning and science in the ‘Abbasid period.* Cambridge Univ. Press, 1990. 189 p.
32. *Wensink A. J.* Khabar // *The Encyclopaedia of Islam* (2nd edn – EI²). Leiden and London: E. J. Brill, 1960–2004. T. IV (1997). P. 895.

Отделение историко-филологических наук

А.Б. Куделин

**Историографические и литературоведческие аспекты
«Жизнеописания пророка» Ибн Исхака – Ибн Хишама**

Формат 60 x 84/16

Гарнитура Таймс

Усл. печ. л. 2,0. Усл. изд. л. 1,9

Тираж 20 экз.

Издатель – Российская академия наук

Подготовлено к печати

Управлением научно-издательской деятельности РАН

Отпечатано на оборудовании Управления делами РАН

Издано в авторской редакции

Издается в соответствии с распоряжением
президиума Российской академии наук
от 24 октября 2017 г. №10106-765,
распространяется бесплатно.